

ПСИХОЛОГИЯ ГЕНОЦИДА И МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Л. Гозман, Е. Шестопап

Геноцид не является принадлежностью только варварских времен. На протяжении XX в. массовые убийства, в которых жертвы выбирались по этническому и религиозному признаку, проходили в разных частях планеты, в том числе — в странах с сильными традициями законности и уважения к индивидуальности. Убивали армян, курдов, евреев, католиков...

Массовые убийства и геноцид — особый вид политического насилия. От других видов террора и репрессий геноцид отличается не только масштабами (массовые репрессии против политических противников могут унести не меньше жизней), но и степенью вовлеченности в акты насилия не только властной элиты и сотрудников карательных органов, но и практически всего населения данной территории. В отличие от всех других видов насилия, геноцид осуществляется, кажется, самим народом. Геноцид выглядит восстанием народа, возмущенного притеснениями и обидами со стороны инонационального или инорелигиозного меньшинства. Геноцид — это преступление, характеризующееся не только огромным количеством жертв, но и еще большим числом преступников. Поэтому, хотя акты геноцида столь ужасны и бессмысленны, столь сильно противоречат нормам человеческой морали, что существует соблазн объявить массовые убийства делом больных людей, свести все к массовому помешательству, помутнению сознания, это было бы в корне неверно. Большинство тех, кто участвует в актах геноцида, психически здоровые люди.

Геноцид может быть объяснен экономическими или политическими причинами — столкновением интересов крупных экономических субъектов, борьбой элит, стремлением нарушить сложившееся равновесие и т. д. Но нас интересуют психологические аспекты геноцида. Что толкает людей на убийства? Многие склонны считать, что преступная власть или экстремисты-демагоги как бы «сворачивают» общество, «заражая» людей безумными и жестокими идеями. Но геноцид никогда не возникает на пустом месте. Для того, чтобы вполне нормальные добропорядочные люди вдруг стали убивать своих, говорящих на другом языке или молящихся другому Богу соседей, с которыми они до этого, пусть и без особой любви, много лет прожили вместе, недостаточно появления преступника или маньяка в президентском дворце.

Преступники и авантюристы на политической арене есть всегда, и призывы к убийству и насилию в той или иной форме существуют, практически, в любой стране, везде есть экстремистские организации. Важно понять, в каком случае средний человек становится сензитивен к безумным кровавым призывам.

Стремясь объяснить явление геноцида, американский психолог Ирвин Стауб ввел понятие «тяжелых времен», которые, по его мнению, всегда предшествуют геноциду. Тяжелые времена — это не обязательно самый трудный или очень трудный период социально-экономического развития страны. Это психологическое понятие. Тяжелые времена — это ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами, ощущение несправедливости, совершаемой по отношению к «моему народу», «моей религии», «моему городу». Именно этот комплекс чувств, по Стаубу, является необходимой предпосылкой массовых убийств и геноцида.

За годы «тяжелых времен» в обществе накапливаются раздражение и агрессия, которые потом находят выход в варварских актах геноцида.

Вторым, совершенно необходимым условием геноцида является наличие врага, который, во-первых, ответственен за неприятности и несчастья, и, во-вторых, с устранением которого станет лучше. Иначе говоря, геноцид осуществляется не только, как мщение. Опыт

осуществлявшихся геноцидов показывает, что большинство людей, в геноцидах участвовавших, не только мстят этому врагу за те проблемы, которые по его, как они считают, вине возникли, но и надеются, что устранение врага поможет в решении этих проблем. Не в том (не только в том) дело, что «они» (арабы, евреи, армяне, негры) виноваты в наших несчастьях, а в том, что, если «их» не станет, то жизнь станет лучше.

Геноцид невозможен без острого чувства ненависти к народу или религии, предназначенным на роль жертвы. Эта ненависть должна быть столь сильной, что позволяет человеку нарушать даже заповедь «не убий» и продолжать считать себя вполне достойным Царства Божия. Эта ненависть долго воспитывается и развивается. Корни ее — в школьных учебниках, где рассказывается о том, какой замечательной была жизнь моих предков в прошлом, когда еще не было «их», каким могущественным и справедливым было мое государство до того, как пришли или даже напали «они», о том, какие ужасные заговоры «они» всегда строили против моей страны. Корни ненависти — в привычной и, как будто естественной, бытовой дискриминации — в скамейках «только для белых», в анекдотах про хохлов или москалей, в оскорбительных кличках. Корни ненависти — в диких представлениях, связывающих преступность с каким-либо одним этносом, в псевдонаучных публикациях, обосновывающих то, что иного отношения «они» и не заслуживают. Все это подготавливает людей к участию в акте геноцида, убеждает потенциальных убийц в том, что жертвы, в общем, и не заслуживают другой участи.

В конце шестидесятых годов канадский психолог Мелвин Лернер разработал т. н. теорию веры в справедливый мир. Согласно этой теории люди предпочитают верить, что мир, в котором они живут, имманентно справедлив. Добро в нем вознаграждается, а зло наказывается, честный труд ведет к успеху, а жулик, в конце концов, остается ни с чем. Следствием этой веры является, в частности, жестокое отношение к жертвам различных несчастий — если человеку не повезло, значит, он сам и виноват. Ведь, если не повезло хорошему человеку, значит, мир несправедлив. К сожалению, дискриминация тех, кому не повезло, распространяется и на жертв погромов и массовых убийств. После войны, когда мир узнал о преступлениях гитлеровцев против евреев, в странах антигитлеровской коалиции был зафиксирован рост антисемитизма. После погрома в Сумгаите в 1988 году — первого массового кровопролития по этническому признаку на территории Советского Союза после сталинских репрессий — делались заявления о том, что, хотя погром — это, конечно, плохо, но в армянах есть что-то такое, что провоцирует погромщиков. Иными словами, армяне сами виноваты...

Естественно, не все люди имеют одинаковую склонность участвовать в актах геноцида. Вероятность участия повышают авторитарность, плохое образование, низкая самооценка, низкий уровень социальной адаптированности, ощущение себя аутсайдером и неудачником. Участники погромов — люди, не умеющие работать на отсроченной мотивации, они требуют результатов немедленно. Но немедленные изменения — это не реальная жизнь, в ней все меняется постепенно, а чудеса — сказка, добрая или страшная. Погром и является воплощением такой сказки, когда враги исчезнут и все твои проблемы решатся, как по мановению волшебной палочки.

Погромщики абсолютно не подготовлены к сопротивлению. Они считают, что сопротивления оказано не будет, что жертвы, в принципе, не способны к сопротивлению и согласны быть жертвами. (Эта ситуация была блестяще описана Набоковым в его романе «Приглашение на казнь».) Представление о несопротивлении, с одной стороны, и о полной безнаказанности, с другой, входят и в идеологию геноцида и в личные ощущения участников погромов. Они не думают о том, что могут быть наказаны. Они не верят, что их могут убить, защищаясь, те, на кого они нападают. Любой вред, нанесенный им в ходе погрома, они воспринимают как агрессию со стороны жертв и как нарушение некоей неписаной конвенции. Они абсолютно убеждены в том, что никогда не предстанут перед судом (официальным или общественным). Из-за всего этого в немногих случаях, когда жертвы, несмотря на многократно превосходящие силы нападающих, начинают оказывать сопротивление, это

сопротивление бывает весьма эффективным. Это касается и физического сопротивления, и сопротивления морального.

Примером такого исключительно успешного морального сопротивления была демонстрация, состоявшаяся в 1942 г. в Берлине. В ней участвовали женщины-немки, чьими мужьями были евреи. В конце 30-х годов, несмотря на нацистские репрессии по отношению к евреям, те евреи, которые состояли в браке с немцами, не арестовывались. Впоследствии репрессии коснулись и этой группы евреев, и в 1942 г. их жены вышли на улицы Берлина с требованием вернуть мужей домой. Казалось бы, эта демонстрация не имела шансов на успех, и, тем не менее, власти, не ожидавшие протеста, настолько растерялись, что требование было удовлетворено, и мужья этих 150 женщин были освобождены.

Помимо жертвы и погромщика в актах геноцида есть и третий участник — свидетель. Геноцид всегда направлен против меньшинства, и, если, например, поджигают дом одного узбека, армянина или представителя любой другой национальности, живущего в инонациональном окружении, то, естественно, поджигателей будет всего несколько человек. В то же время толпа, которая стоит вокруг и вроде бы никакого насилия сама не осуществляет, насчитывает десятки людей. Известно, что ни один геноцид, ни один случай массовых убийств не происходил без такой толпы и бурно выражаемого одобрения тех, кто не участвует в актах насилия. Погром в Сумгаите был осуществлен примерно 50 бандитами, которые убивали, насиловали и поджигали, переходя от квартиры к квартире. Но эту относительно небольшую группу сопровождала толпа, примерно человек 300, которая не принимала участия в зверствах, но бурно одобряла все, что совершали погромщики. И все это происходило в городе с населением в 100 тысяч человек, в котором была создана та атмосфера одобрения насилия по отношению к армянам, без которой, по всей вероятности, не мог бы произойти и сам погром.

Роль свидетелей исключительно важна. Без их одобрения и поддержки массовое насилие невозможно. Люди не делают того, что делать стыдно, и те, кто участвует в актах насилия, нуждаются в том, чтобы их действия были признаны акциями героическими и правильными. Свидетелями, строго говоря, являются и соседи, и сограждане, и мировое сообщество. Осуждение со всех этих уровней, психологическая изоляция (если нет возможности юридического преследования) могут заронить в погромщиках сомнения в правильности их действий, а значит и снизить вероятность новых актов геноцида.